

Теперь только надъ головами пловцовъ стало безмолвное небо, усеянное звѣздами; внизу сонно лепетала рѣка, а по бокамъ толпились деревья.

Пловцы молчали. Леночка глядѣла на сыпавшіяся кругомъ ея звѣзды, и ей вспоминалось далекое дѣтство; а Діодоръ, налетая всей грудью на весла, томился мучительнымъ безпокойствомъ. Онъ думалъ, какъ объявить Леночкѣ о своемъ отъѣздѣ, и боялся начать разговоръ. Онъ зналъ, что это ее убьетъ. Когда минута объясненія была еще далеко, онъ старался гнать отъ себя всякую мысль объ этомъ, а теперь, очутившись съ Леночкой лицомъ къ лицу, оказался совершенно неподготовленнымъ, и языкъ его не могъ вымолвить ни одного слова.

„Что же дѣлать? И какъ все это случилось?—въ сотый разъ спрашивалъ себя Діодоръ.—Дѣвочка, дѣвочка, что ты надѣлала!... Зачѣмъ ты полюбила меня больше, чѣмъ наставника и друга? Ну, пусть бы я одинъ мучился, но зачѣмъ ты?“...

И онъ въ отчаяніи покакалъ головою. Теперь поздно раскаиваться и сожалѣть о случившемся, надо дѣйствовать. Онъ виновать во всемъ, онъ долженъ былъ и исходъ найти. Зачѣмъ онъ ждалъ и бездѣйствовалъ, когда давно нужно было бѣжать? Но онъ думалъ только о себѣ; онъ надѣялся силою воли побѣдить загорѣвшуюся въ немъ преступную любовь, и совершенно забылъ, что съ Леночкою можетъ случиться то же. Вотъ и случилось... Онъ понялъ это въ тотъ несчастный день, когда онъ, подавшись своей слабости, высказалъ предъ нею больше, чѣмъ хотѣлъ. Онъ понялъ, почему она пряталась отъ него и дичилась его: вѣдь и онъ тоже бѣгалъ отъ нея въ то время, когда его къ ней наиболѣе влекло. Понялъ и ужаснулся... Съ сердцемъ ребенка труднѣе сладить; оно не подчиняется требованіямъ разсудка, не понимаетъ препятствій.

Діодоръ былъ въ страшномъ волненіи; въ мысляхъ его дарилъ хаосъ; голова горѣла отъ напряженія. Мысленно онъ проклиналъ свою жизнь, неудовлетворенную, изломанную роковыми сдѣланиями; проклиналъ тотъ день, въ который онъ пришелъ сюда и смутилъ покой юной души, возбудивъ въ немъ несбыточные мечты и порывы. Что дѣлать?..

— Леночка!—произнесъ онъ, наконецъ, опуская весла.

Леночка даже вздрогнула, — такъ странно прозвучалъ его голосъ среди обнимавшей ихъ тишины.

— Что, дядя?—нетвердо проговорила она, пожимая плечами.

— А вѣдь ты озябла...—сказалъ Діодоръ и, снявъ съ себя пальто, заботливо накиннулъ его на плечи Лены.